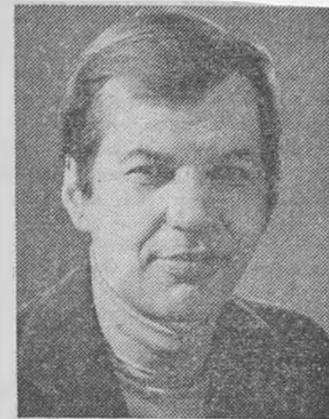

Искусство неотделимо от жизни

почтаактера —

— Письма? — переспрашивает он. — Да, пишут, много пишут... Причем мужчины чаще, чем женщины. Большинство корреспондентов настроено на серьезный лад. Завидую иногда актерам, которым приходят признания юных поклонниц. Этим счастливицам останавливают на улицах, ждут у подъезда, чтобы попросить фотографию или автограф. Меня, правда, тоже остановили однажды и спросили: «Как это вам удалось так точно сыграть «уголовника» в «Печках-лавочках»? Сидели в тюрьме?» Знакомство продолжилось: взгляните на это письмо.

Георгий Бурков протягивает конверт. Читаю: «Несколько лет назад я встретил вас на улице Горького и задал довольно неуклюжий, как мне теперь кажется, вопрос. Вы совершенно не обиделись и спросили, смеясь: «Может быть, потому, что я хороший артист?» Этот эпизод заставил меня задуматься о многом. Конечно, я понимаю всю наивность моего тогдашнего вопроса. Ваш персонаж был живой, настоящий, вот мне и казалось, что прочувствовать такое может только человек, испытавший все это на себе. Простите мою наивность — она, поверьте, от искренности. Но, думаю, доверчивый зритель лучше, чем равнодушный, под холодным взглядом которого, как под скальпелем анатома, фильм распадается на точные, но мертвые детали. А сами вы как считаете? Каким должен быть идеальный зритель?»

Корр.: — Что же вы ответили?

Бурков: — Знаете, есть такой анекдот. Однажды на театре разыгрывалась драма. В момент наивысшего накала, когда убийца собрался прикончить жертву, один из потрясенных зрителей выхватил пистолет и убил театрального «злодея». Человека су-

дили и приговорили к смертной казни. Актера и зрителя похоронили рядом. Надгробные надписи гласили: «Лучший актер», «Лучший зритель». Конечно, я не призываю к такого рода «дублям». Но идеальный зритель — это соучастник увиденного.

Приходит в кинотеатр разные люди, разного возраста, профессий, жизненных философий, и всех их надо увлечь, заставить полтора часа жить одной, общей жизнью, единым чувством. Для меня искусство — это не изображенное жизни на экране, а то динамичное напряжение, та удивительная атмосфера, что возникают между экраном и зрителем во время просмотра. Если это напряжение есть, контакт состоялся, то и фильм как факт искусства состоялся. Хорошая картина всегда причастна к жизни. Она выходит на прямой разговор с жизнью так, как это было в фильмах «Чапаев», «Большая жизнь»...

Корр.: — Об этом пишут и многие ваши корреспонденты. Вот, например, строки письма инженера И. Якушева из Севастополя: «Кино для меня в первую очередь возможность глубоких переживаний, если хотите, даже очищение души (простите за «высокий штиль»). Но сколько фильмов оставляют совершенно равнодушным. Не только содержание, но и название не другой день начисто забываете. Столько людей над картиной работают — сценаристы, режиссеры, актеры, а выходит скучно. Герой работает, спорит, решает сложные проблемы, но смотришь на него, и кажется, что он из картона...».

Вот отрывок из другого письма, от преподавателя ПТУ Уварова: «Смотрел недавно фильм «Свидание с молодостью». Хотя фильм о проблемах современности, но ее там совершенно не чувст-

вуется. Слово самодеятельные актеры без энтузиазма перемещаются в плохо парированных декорациях. В общем, не знаю как с молодостью, а с фильмом свидание не состоялось. Зрители его ждали целых полтора часа в назначенном месте, а он так и не появился».

Лично вы не имеете отпущения к фильмам, о которых речь. Однако именно к вам, как к человеку, мнением которого дорожат, адресованы эти строки. Зрителей волнует не только ваша персональная актерская судьба. Вы для них еще и интересный собеседник. В этих и многих других письмах поднимается и важнейшая проблема современного экрана — проблема героя...

Бурков: — Да, об этом пишут особенно часто. Для меня лично в герое важно, чтобы все, что он делает, было не демонстрацией действия, а самим действием. Так же, как и умение актера, не отступая от своей природы, передать идею образа и остаться естественным, понятным. В показе характера героя должны быть, на мой взгляд, некая незавершенность, перспектива внутреннего развития персонажа. Я всегда думаю о том, что человек, которого играю, — личность, наделенная сложнейшим восприятием жизни, находящаяся в постоянном развитии. За текстом остается много недосказанного, но это многое не должно оставаться за рамками самого фильма. Причем это касается не только фильмов о современности, но и классики, в которой мы ищем ответы на многие вопросы сегодняшнего дня. Дело осложняется и тем, что, взявшись экранизировать литературное произведение, авторы фильма понимают, что на следующие 10—20 лет они как бы закрывают его для повторной

экранизации. Если картина посредственна, то в лучшем случае она может послужить «наглядным пособием» для школьников.

Корр.: — Не забудем и старую, но всегда актуальную истину: чтобы сыграть живую, интересную личность, самому надо быть личностью. «Взяв на себя роль, не потерять в ней, не заиграть себя, а переосмыслить, покорить ее своей творческой индивидуальностью», — как сказано в одном из писем.

Бурков: — Конечно, актеру необходимо самому искать повороты образа, детали, «простреливающие душу». Не все молодые актеры справляются с этим, одного желания сниматься здесь мало.

Корр.: — Возвращаюсь к только что процитированному письму Н. Петренко: «...По профессии я учительница русского языка и литературы в старших классах. Вот уже десять лет как руковожу драматическим кружком, ребята ставят пьесы с увлечением, многое сочиняя и придумывая сами. И из года в год повторяют один и тот же вопрос: «Как вы думаете, могу ли я стать настоящим артистом?» Что им ответить? То, что, на мой взгляд, интересно, на поверку может оказаться лишь средними способностями. Возможно ли определить в таком юном возрасте актерское призвание?»

Бурков: — Мне кажется, что, несмотря на продуманную систему приема и значительный отсев, управлять процессом поступления на актерские факультеты трудно. Степень случайности очень велика. Ко многим студентам лишь со временем приходит влюбленность в свое дело. Юношеское, еще не осмысленное восхищение кинематографом, помножен-

ное на упрямый характер, дает большой процент культурных, образованных людей, но посредственных актеров. Они могут хорошо объяснить, разобрать свою роль, а сыграют ее плохо. И еще одно. Для меня важно, чтобы актер чувствовал, что он соратник режиссера, а не просто человек, пусть даже хорошо выполняющий свою работу.

Корр.: — А какие режиссерские качества привлекают вас? Вопрос о творческой совместимости очень часто встречается в вашей почте. Вот одно из таких писем от С. Синякина: «Что значит, когда говорят, что режиссер и актер нашли друг друга, оказались единомышленниками? Были ли такие встречи в вашей кинематографической практике?»

Бурков: — Я снимался в фильмах многих известных режиссеров: Бондарчука, Рязанова, Соловьева, Ордынского... Очень разные художники. У каждого свой метод работы с актером, свои любимые темы. Но есть одно общее свойство: каждый из них — это творческая индивидуальность. Что касается съема, то у меня все самое главное. Основа роли чаще всего складывалась в беседах с режиссерами незаметно, по мелочам. Идет вроде бы общий разговор о жизни, о проблемах времени, и в этом общении вдруг или исподволь открываются режиссерский замысел, идея будущего фильма.

Особое значение имела для меня совместная работа с Шукшинным. Встреча с ним была важнейшим событием в моей актерской и человеческой судьбе. Он, как никто другой, умел сплотить вокруг себя коллектив, увлечь группу, от актера до костюмера, своей идеей. Люди работали с ним, вкладывая в фильм всю преданность души. Уме-

ние повести за собой творческий коллектив, объединить людей — вот что ценно я больше всего в профессии кинорежиссера.

Корр.: — Разбирая вашу почту, сразу замечаешь серьезный, вдумчивый тон писем. Авторы делятся с вами мыслями, спрашивают ваше мнение, просят разъяснений. Причем независимо от сыгранной вами роли, будь то солдаты из фильмов «Кадкина всякий знает», «Они сражались за Родину» или «уголовники» из «Калины красной» и «Подранков», или милиционеры, служащие... И пишут так, словно эти образы — варианты судьбы одного и того же человека, и именно к этому человеку и обращаются они в письмах...

Бурков: — Да, тон писем серьезен. Но бывают и неожиданности. Вот письмо из Саратова. Сначала комплименты. Автор говорит, что я его любимый актер, что он внимательно следит за моей творческой биографией. А решил написать, так как хочет задать очень важный вопрос.

Корр.: — Какой же?

Бурков: — За какую футбольную команду я болею.

Корр.: — А, кстати, за какую?

Бурков: — Ответу словами персонажа М. Рошина: «Мы, как народ, за «Спартак».

Беседу вел
Л. ЕРШОВА.